

³ Соколов А. К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 74.

⁴ Там же. С. 71.

⁵ Методы количественного анализа текстов нарративных источников. М., 1983; Миронов Б. Н. Историк и социология. Л., 1984; Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984; Бородин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.

⁶ Прежде всего см.: Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996; Ибрагимова Д. Х. НЭП и перестройка:

массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997.

⁷ Новикова Л. Г. Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 144; Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston, 1987; Smele J. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. N.Y., 1996; Перейра Н. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996; Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass.; L., 2002; Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Dekalb, 2003; и др.

Вадим Журавлёв, Вадим Рынков, Дмитрий Симонов

За пределами науки: по страницам имитационной историографии *

Vadim Zhuravlev, Vadim Rynkov, Dmitriy Simonov

(all – Institute of History, the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, and Novosibirsk State University, Russia)

Beyond the standards of scholarship: reading some examples of imitational historiography

В последние годы поток скороспелых квазинаучных публикаций стал заметной негативной тенденцией развития отечественной науки. Появилась специальная литература, в которой анализируется феномен «псевдонауки»¹, проводятся тематические круглые столы и конференции². Предложены дефиниции, описывающие данную группу явлений. Лженаука определяется как «учение, представители которого выдают свои взгляды, выраженные в наукообразной форме, за научные факты или теории, ясно осознавая их ненаучный характер», а псевдонаука – как «взгляды,

носители которых могут вполне искренне думать, что занимаются наукой, однако их занятия не соответствуют существующему представлению о научности»³. Однако данные определения далеко не достаточны для практики науковедения и историографии.

Сообщество профессиональных историков отзывается лишь на наиболее одиозные псевдонаучные публикации, причём, как правило, на те из них, которые приобрели широкий общероссийский резонанс⁴. На сочинения же, не столь откровенно порывающие с профессиональ-

* Кокоулин В. Г. Новониколаевск в годы революции, гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск: Офсет, 2010. 324 с.; он же. Томск в годы революции и гражданской войны (февраль 1917 – декабрь 1919 г.). Новосибирск: Сибирь–Наука XXI век, 2012. 312 с.; он же. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск: Офсет, 2013. 456 с.; он же. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск: Офсет, 2013. 385 с.; он же. Демократическая контрреволюция: Сибирь, Поволжье, Урал (май–ноябрь 1918 г.). Новосибирск: Изд-во Томского государственного университета, 2014. 548 с.

ными принципами и нормами, «иммунная система» исторической науки реагирует значительно слабее. Их авторы подражают академическому стилю изложения, снабжают тексты научно-справочным аппаратом, позиционируют свою продукцию именно как научные исследования, однако игнорируют достижения историографии, не формулируют проблем и не решают научных задач. Быстро растущее количество таких публикаций зримо переходит в новое качество. Сегодня вполне можно говорить о феномене «имитационной историографии», под которой следует понимать совокупность текстов, подражающих некоторым чертам исторического исследования, но не ставящих научных целей и не производящих нового знания.

Имитация научности проникает во все виды научных публикаций — в научно-популярную литературу, в рукописи диссертаций, на страницы журналов и в книжную продукцию, претендующую на монографический статус. Сложилась даже определённая ниша, в которой авторы подобных произведений чувствуют себя особенно вольготно. Как правило, они стараются работать в рамках региональной или локальной тематики. Само по себе такое направление историографии чрезвычайно перспективно, является кладезем фактического материала, не только аккумулирует, но и генерирует методологические новации. Однако тематическая локализация облегчает процессы мимикрии, позволяет уклоняться от полноценной научной экспертизы.

В течение последних пяти лет в Новосибирске вышло из печати пять книг, написанных доктором исторических наук В.Г. Кокоулиным. В центре внимания автора — относительно непродолжительный, но предельно насыщенный событиями период революции и Гражданской войны. Судя по названиям, две из этих книг претендуют на серьёзные исторические обобщения: одна посвящена истории повседневной жизни горожан Сибири, другая — истории «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Ещё три написаны в региональных (Алтайская губерния) и локальных (Новониколаевск, Томск) географических рамках и также затрагивают

тематику политических процессов и повседневной жизни населения.

Перечень и объём трудов Кокоулина может создать впечатление некоего прорыва в изучении истории революции и Гражданской войны в Сибири. До сих пор только одна из этих публикаций привлекла внимание рецензентов, двух известных специалистов, которые дали ей резко критическую оценку⁵. Остальные книги, а также место всей серии в историографическом процессе пока не получали должного осмысления.

Книги Кокоулина имеют единообразный способ построения и организации внутренней структуры. В них отсутствуют полноценные научные введения, а заменяющие их «предисловия» носят весьма своеобразный характер. Ничего похожего на обоснование актуальности темы в них нет. Например, одна из перечисленных книг, претендующая на специальное изучение истории Новониколаевска, начинается словами: «В Новониколаевске в годы революции, Гражданской войны и “военного коммунизма” не происходило заметных событий общественно-политической жизни» (с. 3). Данное утверждение по отношению к населённому пункту, события в котором в конце мая 1918 г., согласно общепризнанной точке зрения, положили начало широкомасштабной Гражданской войне на территории бывшей Российской империи, не вызывает ничего, кроме оторопи. Не лучше обстоит дело и в других книгах серии.

В четырёх из пяти «предисловий» к книгам присутствуют историографические фрагменты. Во всех случаях автор оперирует крайне ограниченным набором публикаций. Основной массив историографии ему либо не знаком, либо сознательно исключён из рассмотрения. Исследования, удостоившиеся внимания Кокоулина, не подвергаются содержательному анализу с концептуальной точки зрения, а лишь кратко пересказываются. Между тем история революции и Гражданской войны всегда являлась приоритетным направлением отечественной историографии. В его рамках детально разработаны многие научные проблемы, опубликован и введён в научный оборот огромный массив источников, сформули-

рован широкий спектр исследовательских концепций. Но признать, что большинство затрагиваемых им тем уже досконально исследовано, и двигаться по пути фундированного анализа малоизученных и дискуссионных проблем не входило в намерения автора. Не сумев показать актуальность и степень изученности рассматриваемых тем, он оказался не в состоянии адекватно сформулировать цели и задачи, а зачастую и определить предмет своих исследований.

Несмотря на то, что формулирование принципов отбора и использования исторических источников является обязательным элементом монографического исследования, ни в одной из рассматриваемых книг нет характеристики источниковой базы. Вопросы источниковедческого характера автор не затрагивает, зато в каждой книге демонстрирует весьма специфические приёмы отбора источников и обращения с ними. Из всего многообразия архивных документов, отражающих изучаемую эпоху, наиболее востребованными им оказались материалы историко-партийных фондов, преимущественно мемуары, созданные в 1920–1930-х гг. Общеизвестно, что история Гражданской войны отражена там в искажённом виде, но для Кокоулина эти вторичные применительно к изучаемой тематике и зачастую недостоверные архивные источники стали приоритетными в информационном и оценочном отношении. Вторым важным источником для автора являются газеты, а такой важнейший вид печатной продукции, как журналы, он не использовал. Обращение же к делопроизводственным документам носит в его книгах единичный характер. Причём Кокоулин не высказывает никаких суждений об особенностях информационного потенциала разных видов источников, о путях и способах их критики, необходимости и возможности перекрёстного анализа. Работа автора с историческими источниками свелась к использованию цитат, отражающих чьи-либо мнения и оценки, или пересказу разнообразных сведений в заданных хронологических рамках.

Подобно «предисловиям», основное содержание каждой книги В.Г. Кокоулина лишь имитирует научную публикацию.

Структурирование текстов на главы и параграфы чаще всего формально, осуществлено преимущественно по хронологическому принципу и преследует одну цель: визуально разделить поток информации. Материал внутри глав и параграфов слабо структурирован, эклектичен: авторское внимание блуждает от одного события или явления к другому, не фокусируясь на научных проблемах. Книги представляют собой конгломерат слабо связанных друг с другом цитат и пересказов исторических источников. Некоторые цитаты занимают полторы–две страницы, заменяя авторский текст и оценки, к тому же часто приводятся без кавычек, и лишь по встречающимся отточиям можно догадываться о том, где идёт цитирование, а где – пересказ источника.

Кокоулин бездумно переносит в текст своих книг многочисленные фактические неточности и ошибки, которыми буквально изобилуют используемые им источники. Когда автор берётся дополнять их собственными интерпретациями, он демонстрирует полную неспособность разобраться в приводимых материалах, неизменно вводя читателя в заблуждение. В качестве типичных приведём несколько примеров из его сочинения о «демократической контрреволюции».

На с. 62, описывая результаты антибольшевистского выступления Чехословацкого корпуса, автор незамысловато повествует: «Пленум Центросибири, собравшись в Верхнеудинске, решил продолжать борьбу, и 16 августа Центросибирь эвакуировалась в Читу. В итоге власть Советов в Сибири была свергнута, а её активные деятели и сторонники были вынуждены уйти в подполье». Получается, что падение советской власти в Сибири явилось следствием её решения продолжать борьбу.

На с. 129 автор пишет, что «30 июня И.А. Якушев передал власть от Западно-Сибирского комиссариата наличным министрам Временного правительства автономной Сибири». На самом деле И.А. Якушев никому власти не передавал, так как сам таковой не обладал, а лишь как председатель Сибирской областной думы подписал грамоту, информирующую население о переходе всей полноты

власти в Сибири к Временному сибирскому правительству. Что касается Временного правительства автономной Сибири, то такое наименование приняла 29 июня 1918 г. группа политиков, находившаяся во Владивостоке. Автор, похоже, даже не подозревает, что эти два правительства действовали параллельно до конца сентября 1918 г. В данном случае он повторяет ошибку, характерную для некоторых публикаций 1960–1970-х гг., но давно изжитую историографией последующих десятилетий.

Сплошь и рядом повествование содержит разительные логические противоречия. Так, на с. 167 автор отмечает, что Временное Сибирское правительство не издавало специальных законов по земельному вопросу, а уже на следующей странице рассуждает об «аграрном законодательстве» этого правительства, выглядывшем, по его мнению, «красиво». Хаос царит в вопросе об официальной титулатуре исторических деятелей. На с. 495 Кокоулин пишет, что арест членов Временного всероссийского правительства (Директории) осуществили «вооружённые отряды казачьего генерала Красильникова под командой войскового старшины Волкова». На самом деле государственный переворот в Омске в ночь на 18 ноября 1918 г., в результате которого была установлена диктатура адмирала А.В. Колчака, осуществили воинские части, находившиеся в ведении начальника Омского гарнизона полковника В.И. Волкова, а арест членов Директории произвел подчинявшийся ему отряд войскового старшины И.Н. Красильникова. Инженера М.Н. Павловского Кокоулин именует генералом, а генерала В.В. Голицына — князем, хотя ни тот, ни другой не имели соответствующих чина и титула. Командующего Западно-Сибирской отдельной армии генерала А.Н. Гришина-Алмазова он называет «Командующим армиями Западной Сибири» (с. 199, 267, 331). В целом же в обсуждаемых книгах персонажи предстают не в качестве участников исторического процесса, а лишь как авторы или фигуранты тех или иных цитат.

Беспорядочная компоновка цитат часто приводит к нарушению причинно-следственных связей между событиями

и процессами. Например, в книге, посвящённой Алтаю в революционные годы, негативными последствиями деятельности эсеровской власти в регионе во второй половине 1918 г. Кокоулин объясняет и сезонные колебания цен на рынках, и отсутствие тротуаров в Барнауле к лету того же года, и массовое самогоноварение, распространённое в Сибири с 1915 г. (с. 159, 160, 161).

Без тени сомнения автор воспроизводит источники, содержащие взаимоисключающие политико-идеологические трактовки событий. Описывая партизанское движение на Алтае во второй половине 1919 г. и, видимо, желая продемонстрировать объективность, автор цитирует вперемежку документы местной администрации и воспоминания бывших партизан. В результате одни и те же социальные группы у него предстают то как участники малочисленных, терроризирующих население банд хулиганов и грабителей, то как восставшие от мала до велика героические борцы против «колчаковского гнёта».

Некритическое отношение к источникам и игнорирование публикаций предшественников не позволили Кокоулину хотя бы просто следовать в русле разработанных научных проблем. В своих сочинениях он старательно фокусирует внимание на малозначительных событиях — увеселительных мероприятиях, криминальной хронике, слухах, цитирует фрагменты фельетонов и стихов. При этом взаимодействие центральных и региональных властей, органов местного самоуправления, их внутренняя политика, деятельность общественных организаций, хозяйственная и культурная жизнь Сибири на протяжении 1917–1919 гг. остались за рамками исследований и представлены в лучшем случае через призму отдельных газетных оценок. Автор упустил из виду наличие в 1914–1919 гг. значительных по численности гарнизонов, всеобщую мобилизацию мужского городского населения и повсеместное иностранное присутствие. Вопросы военного строительства отражены в его публикациях только применительно к партизанскому движению.

Понятийный аппарат книг построен на эклектичном смешении различных

терминологических языков. Даже традиционные понятия Кокоулин использует «автоматически», без учёта их связи с исторической реальностью. Так, описывая в книге «Томск в годы революции...» события марта–июля 1917 г., он активно оперирует понятием «двоевластие», в том числе вынося его в название соответствующих параграфов. Однако такое употребление противоречит известному и цитируемому самим же автором тезису о том, что «двоевластие в Сибири, в том виде, как оно существовало в Петрограде, установилось лишь к лету 1917 г. и практически сразу было ликвидировано» (с. 4). Для характеристики других временных отрезков без всякой критики применяются термины «эсеровщина», «колчаковщина» (употребляемые без кавычек), противоборствующие политические силы квалифицируются как буржуазные партии и мелкобуржуазная демократия, а антикоммунистические восстания характеризуются как «кулацкие». Единственный современный историографический термин «повседневность» Кокоулин использует, оставляя читателя в полном неведении о том, что собственно он под ним понимает. На деле изучение «повседневной жизни» низводится до описания быта, а быт, в свою очередь, сужается до его потребительских аспектов. В итоге автор не воссоздаёт «историю обывателя», а демонстрирует обывательский взгляд на исторический процесс.

Концепция Кокоулина не представлена ни в одной книге хотя бы в латентном виде. Отсутствуют даже робкие попытки представить её в промежуточных выводах и заключениях. Подавляющее большинство глав и параграфов не имеет выводов, а в тех немногих случаях, когда они присутствуют, то представляют собой короткие, в несколько строк банальные констатации, не связанные с основным содержанием текста. Например, «политические партии полностью отражали интересы основных слоёв общества» или «правительство утратило доверие рабочих и крестьян». В конце книги о повседневной жизни горожан можно обнаружить такой малопонятный пассаж: «А вот житель Новониколаевска 4 сентября иронизировал: “Вот хотелось найти такой уголок земли,

где не было бы большевиков и коммунистов, и прочей дряни. Бог рассердился на русских и послал им большевиков, но спасибо немцам, что они прислали нам Ленина в заплombированном вагоне”. Технологии принуждения и стереотипы поведения горожан не исчезли с заменой “военного коммунизма” новой экономической политикой, они остались востребованы новой властью и в том или ином виде просуществовали до наших дней» (с. 344).

Книга о Томске завершается следующими словами: «У Тороповых в 9 часов утра самовольно водворились 7 красноармейцев, совсем перемерзших. Они привезли муку и просили испечь хлеб. В эти дни власть перешла к Томскому ревкому. Начиналась новая эпоха в жизни Томска» (с. 281).

Отсутствие обобщений и выводов является ярчайшим признаком того, что данные тексты находятся за пределами исторической науки, а творчество Кокоулина правомерно охарактеризовать как имитацию исторического исследования.

Сам автор называет свои публикации монографиями, хотя, как оказывается при ближайшем рассмотрении, они не соответствуют общепринятым требованиям к книгам этого жанра. У всех пяти книг отсутствуют научные редакторы и рецензенты, международные стандартные книжные номера (ISBN). Без таких формальных признаков книга не может считаться не только научной монографией, но и официальным изданием в принципе. Однако три книги Кокоулина имеют гриф и рекомендации к печати учёного совета некоего Сибирского института политической истории. Вызывает сомнение сам факт существования данного учреждения, так как никаких сведений о нём нами не обнаружено. Легко догадаться, что эти «рога и копыта» понадобились автору, чтобы придать своим произведениям видимость научной институционализации.

На небезвредность подобного «научного творчества» неоднократно обращалось внимание в ходе обсуждения нынешнего состояния российской науки и путей её реформирования. Министерство образования и науки РФ, Высшая аттестационная комиссия и научная общественность выступают с рядом иници-

атив, направленных на повышение качества диссертационных исследований. Но не следует забывать о том, что последние являются квалификационными сочинениями, имеющими статус рукописей. Статьи же в рецензируемых научных журналах, которым в последнее время придаётся особое значение, как правило, отражают промежуточные итоги изысканий, а основные их результаты излагаются в форме монографий. Однако именно по отношению к монографиям пока не выдвигаются требования публичного и, самое главное, ответственного рецензирования, хотя технически эта задача вполне решается. Одновременно с изданием монографии можно сделать доступными и тексты отзывов её официальных рецензентов, что уже станет неплохим фильтром, улучшающим качество научной литературы. Кроме того, публикация текстов рецензий на уже вышедшие монографические издания не только целесообразна, но и остро необходима в условиях распространения «имитационной историографии». Главную ответственность за поддержание здорового состояния отечественной науки должно нести само научное сообщество через развитие институтов и механизмов рецензирования. Всё это позволит более надёжно выявлять продукцию, наполненную содержимым, но не содержанием.

Примечания

¹ См., например: *Кругляков Э.П.* «Учёные» с большой дороги. М., 2001; *он же.* «Учёные» с большой дороги-2. М., 2005; *он же.* «Учёные» с большой дороги-3. М., 2009.

² Стенограмма круглого стола «Критерии научности, наука и лженаука» 3 февраля 2000 г., Институт философии и права СО РАН, Новосибирск // *Философия науки.* 2000. № 1(7). С. 101–112; *Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа.* Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти академика Э.П. Круглякова. СПб., 2013; *Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа.* III Международная научно-практическая конференция им. В.Л. Гинзбурга и Э.П. Круглякова. СПб., 2015.

³ *Демушов К.Г.* О понятии «лженаука» в толковых словарях русского языка // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2010. № 7. С. 45.

⁴ Антифоменко. Сборник Русского исторического общества. Т. 3(151) / Под ред. И.А. Настенко. М., 2000; *История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко* / Сост. А.Д. Кошелев. М., 2000; *История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко. Анализ ответа А.Т. Фоменко* / Сост. А.Д. Кошелев. М., 2001.

⁵ *Ларьков Н.С.* Количество без качества, или снова «в кроссовках по истории». Рецензия: Кокоулин В.Г. «Демократическая контрреволюция»: Сибирь, Поволжье, Урал (май–ноябрь 1918 г.). Новосибирск, 2014. 548 с. // *Вестник Томского государственного университета. Сер.: История.* 2015. № 2(34). С. 125–128; *Суслов А.Ю.* Рец.: Кокоулин В.Г. *Демократическая контрреволюция: Сибирь, Поволжье, Урал (май–ноябрь 1918 г.).* Новосибирск: Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации, 2014. 548 с. // *Историческая экспертиза.* 2015. № 4(5). С. 98–104.